

КНИГА

ЧИТАТЕЛЬ ПУШКИНА

Юрий АРПИШКИН

С.М. Бонди. «Над пушкинскими текстами».

**Составитель Н.С. Бонди.
М., «Высшая школа».**

Выдающийся филолог Сергей Михайлович Бонди умер в 1983 году в возрасте 92 лет. Он был выходцем из легендарного Венгеровского семинара, действовавшего на филфаке Петербургского, потом Петроградского университета. Из того же семинара вышли и Тынянов, и Эйхенбаум, и Оксман, и Жирмунский, и большинство из тех исследователей, кото-

рые определяли облик гуманитарной науки второй половины XX века. Бонди судьба уготовила в этом поколении роль ответственную и крайне неблагодарную: он оставался послед-

ним и был вынужден представлять сообществу. Считается, что он мало написал. Да еще и не все из написанного вовремя опубликовал. Напечатанные же его труды, при всей фундаментальности, лишены того теоретического блеска, что отличало писания лучших его соучеников и ровесников. Однако наиболее известный из трудов Бонди — сборник текстологических этюдов «Черновики Пушкина» — до сих пор сохраняет актуальность, что для прикладной филологии редкость. За многие годы мало кто смог более точно прочесть практически нечитае-

мые рукописи классика. И это при том, что Бонди пользовался методикой, вообще-то подозрительной, не разбирая по черку, не реконструировал написание знаков, но воссоздавал произведение, то есть пользовался не столько формальным инструментарием, сколько такими неверифицируемыми механизмами, как художественный вкус и читательская интуиция. По общему мнению, Бонди был чуть ли не лучшим лектором филологического факультета МГУ с 30-х годов до конца своих дней. Эти лекции никогда не были последовательно за-

писаны и, соответственно, опубликованы быть не могут. Потому всякое свидетельство о них столь важно и значительно. В этой книге им отдана примерно треть объема. Есть среди них вполне формальные, есть замечательные (прежде всего следует назвать очерк Александра Чудакова «Слушаю Бонди», имеющий самостоятельное литературное значение). Но в каждом отразилось обезоруживающее обаяние личности Бонди и то, что плохо вписывается в научный оборот, но остается безусловно важным, — его страстная любовь к литературе. ■